

Частный детектив
Татьяна Маркова

МАРИНА СЕРОВА

Все о мужских
грехах

Повесть

Город семи
королей

Повесть

АСТ

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Все о мужских грехах

«Научная книга»

Серова М. С.

Все о мужских грехах / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Сын бизнес-воротилы Семена Андреева Ванька – повеса и бабник – влюбился. Взятся за ум – сдал обе сессии, гулянки забросил, в стрип-бар ни ногой. Ходит за своей любимой хвостом. Красавица Сандра подрабатывает в больнице санитаркой. Так он и туда с ней. Ведра с водой таскает, полы помогает мыть! И все бы хорошо... Да вот только Сандра держит Ивана на расстоянии. Это при деньгах-то Андреева! Подарков не берет и предложение выйти замуж отвергает, хотя видно, что любит непутевого Ваньку. А вместе с тем на Сандру уже два раза совершали покушения. Явно какая-то тайна окутывает жизнь молодой девушки. И Семен Андреев решает нанять частного детектива Татьяну Иванову, которая немедленно приступила к расследованию...

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Все о мужских грехах

* * *

Женский голос в трубке был немолодым, хорошо поставленным и совершенно незнакомым:

– Я говорю с частным детективом Татьяной Александровной Ивановой?

– Да, это я.

– Подождите минутку. Сейчас я вас соединю с господином Андреевым.

– Каким Андреевым? – спросила я, но женщина уже переключила меня на своего шефа, потому что в трубке раздался низкий властный голос:

– Семен Иванович, центральный рынок.

– Очень приятно, Семен Иванович, – приветливо сказала я, уже поняв, что это мой потенциальный клиент.

– Я тут с Морозовым Михаилом Антоновичем парой слов перекинулся, и он мне вас порекомендовал. Мы с ним не только коллеги, но и соседи – дома наши рядом стоят.

– У вас возникла какая-то проблема?

– В том-то и штука! – недовольно пробурчал он и спросил: – Вы не подъедете ко мне сегодня вечером? Заплачу, не скупясь!

– Куда именно?

– А в «Графские развалины»! – усмехнулся он. – Охрану я предупрежу, так что вас пропустят и объяснят, куда ехать.

– В семь часов вечера вас устроит?

– Вполне!

«Графскими развалинами» в народе насмешливо называли поселок под Тарасовом, где новые хозяева жизни выстроили свои дома, вплоть до четырехэтажных (ей-богу, не шучу!). Сам поселок был окружен высокой оградой из бетонных плит, а единственные ворота при въезде бдительно охранялись.

Собираясь на эту встречу, я, как всегда в начале нового дела, бросила гадальные кости, чтобы узнать, что меня ждет, и выпало 4+18+27.

– Ничего себе! – воскликнула я. – Это как же понимать: «Все тайное рано или поздно станет явным»! Ну, удружили, дорогие!

К назначенному времени я подъехала к воротам поселка, но охранники в камуфляжной форме, хоть и были обо мне предупреждены, разрешили въехать не раньше, чем проверили документы и осмотрели машину, вплоть до багажника. Следуя их указаниям, я направилась к трехэтажному особняку, около ворот остановилась и посигналила, надеясь, что уж эти-то сейчас распахнутся передо мной, да не тут-то было! Вышедший охранник (на этот раз в костюме, белоснежной рубашке и галстук) опять проверил документы и только после этого, войдя внутрь, нажал, видимо, на какую-то кнопку, и створки ворот начали разъезжаться. Настроения мне это отнюдь не улучшило, и я начала потихоньку беситься. Но делать нечего – клиент всегда прав!

Я очутилась в настоящем парке и проехала к дверям дома. Ко мне вышла горничная в темном платье, белом кружевном фартучке и с такой же наколкой на голове. Излучая приветливость всем своим существом, она пригласила меня в дом и провела в кабинет, где меня уже ждали. Андреев оказался высоким массивным мужчиной самой простецкий наружности, но

вот его хитрые умные глаза выдавали в нем того самого русского мужика, который, если придется, и с чертом сядет в карты играть и, что самое главное, обыграет вчистую!

Я быстро огляделась и увидела вдоль стен книжные шкафы, заполненные собраниями сочинений, расставленными по разделам: русская классика, советская, зарубежная, отдельно стояла специальная литература. К моему огромному удивлению, по виду книги производили впечатление неоднократно читанных, и я подумала, что Андреев, стремясь выглядеть образованным человеком, купил у какого-нибудь обедневшего профессора его библиотеку целиком, понимая, что новыми могут быть машина, часы, мобильник и прочие достижения новейшей технической мысли, а вот в семье, претендующей на интеллигентность, библиотека должна быть только старая, собиравшаяся из поколения в поколение.

Хозяин дома сидел за двухтумбовым письменным столом с компьютером последней модели, но я сильно засомневалась, что он сможет его хотя бы включить без посторонней помощи. В эркере стоял полукруглый диванчик с журнальным столиком перед ним, и в этом уютном гнездышке в небрежной позе расположилась довольно молодая красивая дама, ухаживая, как любимая кошка у одинокой старушки, и одетая по последней парижской моде. Она курила тонкую сигарету, вставив ее в длинный янтарный мундштук, так что удивительно, как она ничего не подожгла до сих пор, и маленькими глотками пила шампанское.

– Здравствуй, Татьяна! – по-простецки заявил с ходу Андреев. – Проходи! Садись, где удобно!

Его фамильярность меня, откровенно говоря, покорила, но я не стала возражать – он обещал хорошо заплатить, так что и потерпеть можно, – прошла и села в большое и глубокое кресло около его стола. А он между тем продолжал:

– Ты, говорят, куришь, так что кури! – и спросил: – Пить что будешь?

– Если можно, сок какой-нибудь похолоднее, а то жара на улице, – ответила я.

– Да! – вздохнул он. – Погодка, будь она неладна! Если и дальше так пойдет, то погорит у крестьян весь урожай к чертовой матери! – И остановившейся около дверей горничной сказал: – Слышала? Ну так принеси!

Горничная послушно кивнула, и через две минуты около меня уже стоял большой запотевший стакан апельсинового сока, от которого у меня даже заломило зубы. Андреев же встал, достал из бара-холодильника бутылку водки и тарелку с солеными помидорами и снова сел. Плеснув себе щедрой рукой полстакана, он выпил водку в один прием, смачно вгрызся в помидор так, что сок брызнул, а потом закурил сигарету без фильтра «Тамбовский волк». Я тоже закурила и, понимая, что это была увертюра, приготовилась слушать, но он все молчал. Наконец он глухо сказал:

– Я, Татьяна, ненавижу о помощи просить! Сам всего в жизни добился и на поклон ни к кому не ходил!

– Я тоже предпочитаю всегда обходиться своими силами, – согласилась я. – Но бывают обстоятельства, когда...

– Вот именно! – буркнул он. – И приперли меня эти самые обстоятельства под самое под не могу! – он чиркнул ребром ладони по горлу, потом откашлялся и начал: – У нас есть сын Ванька! Ну полный расп... – тут он осекся, откашлялся и поправился: – Разгильдяй! Школу кое-как закончил и в мединститут захотел поступать! Говорил я ему, что из него врач, как из меня пианист, а он уперся – в белом халате ему, видите ли, походить захотелось! Ну, поступил я его туда, а он, паршивец, и полгода не проучился! Выгнали его за прогулы! Нашлись там такие же, как он, лоботрясы! И стал Ванька называть себя Джоном... Тьфу! Я же его в честь своего отца назвал! Надеюсь, что он таким же стоящим человеком станет! Ну вот ты скажи мне, Татьяна, чем имя Иван плохое?

– Прекрасное русское имя, – согласилась я.

– Вот и я о том же! – раздраженно сказал он. – А тут Джон! Одевался как не пойми кто, в компаниях каких-то дурацких все время торчал, стриптиз-бары, боулинги-шмоулинги и все такое. Я ему машину купил, «Лексус», так он через неделю ее разбил, когда пьяный ехал, и стал новую требовать. Я ему сказал, что эту починить можно, а он мне в ответ, что на битой, мол, пусть лохи ездят. Так и пришлось ему новую покупать. По старым временам я бы его в армию отправил, чтобы там из него дурь вышибли и человеком сделали, а сейчас? – Он махнул рукой. – Не те нынче времена, чтобы единственного ребенка туда отдавать! Ну, погулял он и опять в мединститут запросился. Ну, заплатил я снова, поступил он, а тут другая напасть!

– Наркотики? – осторожно спросила я.

– Нет! – помотал головой он. – С этим я сам разобрался! Поймал его на этом, когда он еще в школе учился, всыпал от души и к родне в деревню отправил. Как посидел он там месяц в сарае у старшего брата на хлебе и воде, так всю дурь из головы словно ветром выдуло. А как вернулся, я ему не шутя сказал, что лучше сам промотаю все состояние себе в удовольствие, чем такому, как он, оставлю. Так что с наркотиками он завязал, но... – Андреев вздохнул.

– Так что же случилось? – удивилась я.

– Да влюбился он! – с сердцем сказал он. – Как на занятия на первом курсе ходить начал, так словно подменили его. Охламоны-то мои за ним постоянно присматривают, чтобы не случилось ничего, вот они мне и сообщили. Я фотографии посмотрел и скажу тебе, что девчонка красивая и даже на снимке видно, что серьезная. И прилип к ней Ванька, как банный лист к одному месту. Куда она, туда и он! На занятия стал ходить постоянно! В библиотеку! Обе сессии сам сдал, я ни копейки не заплатил! Она бальными танцами занимается, а он сидит, смотрит на нее и ждет. Она в больнице санитаркой на полставки подрабатывает, так он и туда с ней! Ведра с водой ей таскает! Полы помогает мыть! Это он-то, который за свою жизнь чашки за собой не вымыл?! – воскликнул он.

– Так это же прекрасно, что она на него так влияет! – возразила я.

– Так-то оно так! – согласился Семен Иванович. – Да не все так!

– Что же? – удивилась я.

– Да понимаешь... Я как увидел, что он ради нее в нормального человека превратился, так обрадовался!.. Вот, думаю, как понесет она, тут я их и окручу, и за сына спокоен буду. А она, видать, ничего ему не позволяет. Редкость это в наше время! И держит его как-то... На расстоянии! Это при наших-то деньгах! – возмущенно воскликнул Андреев. – Да сколько девок на Ваньку еще в школе вешались! Телефон обрывали! Он же у нас красивый получился, в мать!

Тут он протянул мне фотографии, на которых были действительно очень симпатичный парень и девушка – красивая блондинка с большими серыми глазами. Были снимки и одной девушки. Понимая, что речь пойдет именно о ней, я стала внимательно рассматривать фото и увидела в глазах девушки старую, еще не прошедшую боль, да и весь ее вид говорил о том, что не все в ее жизни было гладко и спокойно.

– Ведь до чего дело дошло! – хлопнул рукой по столу Андреев. – Ванька ко мне советоваться пришел! Первый раз в жизни! Рассказал все, как на духу, и спрашивает, что ему делать! Я ему сказал, что бабы подарки любят: цепочки, колечки, театры, концерты и все в этом духе. А он мне в ответ, что не берет она у него ничего, даже коробку конфет! Она и в машину к нему ни разу не села! Так теперь охрана его утром на машине до ее общежития довозит, он ее там встречает, и на занятия они вместе на автобусе едут, да еще с пересадкой! Ну где это видано?! – возмущался он. – А вечером, как он ее проводит, машина его домой привозит.

– Да! – согласилась я и покачала головой. – Не думала, что такие девушки в наше время еще есть. А Иван не пробовал ее замуж позвать?

– И не раз! – кивнул Семен Иванович. – А она ему в ответ, что они, мол, не пара! Что он себе другую найдет, а с ней ему счастья не будет! А как-то раз сказала, что, мол, зря он

с ней время теряет! А охламоны мои, которые их каждый день видят, говорят, что любит она его, но... – тут он неопределенно помотал в воздухе рукой.

– Надо понимать, что есть какие-то обстоятельства, о которых она знает, а мы нет? – спросила я. – Но какие?

– Понимаете, Татьяна! – впервые подала голос женщина на диване. – Они люди совершенно не нашего круга. У девочки нет отца, а мать простой врач.

– Клавдя! – рявкнул на нее Андреев. – Ты бы думала, что говоришь! Или мне тебе напомнить, кем ты сама была? – И уже мне пояснил: – Она у меня продавщицей в овощном ларьке начинала. А уж материлась так, что грузчики на глазах трезвели!

– Симон! – укоризненно сказала женщина и горестно вздохнула, возведя очи горе.

– Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты меня этим дурацким именем не называла? – заорал Андреев. – Семен я! Семка! С этим именем родился, с ним и помру, когда срок подойдет! А если еще раз такое от тебя услышу, то не видать тебе больше твоих операций на роже и за границ то же! У меня на рынке в торговых рядах одеваться будешь!

Женщина поджала губы и демонстративно отвернулась к окну, возмущенно пожав плечами. Вот этого Семен Иванович вынести уже не смог и, шарахнув кулаком по столу, севшим от ярости голосом тихо сказал:

– Выдь, Клавдя! Добром прошу, выдь! Не доводи до греха!

С видом грубо поправленной добродетели женщина поднялась и медленно, покачивая бедрами, вышла из кабинета. Андреев проводил ее горящими от ярости глазами, а потом снова налил себе полстакана, выпил и даже не стал закусывать. Тяжело дыша, он закурил, немного успокоился и сказал мне:

– Ты, Татьяна, на нее внимания не обращай! Баба она недалекая, но верная и, как собака, преданная! Она, коль придется, за нашу семью на все что угодно пойдет, хоть господу богу в бороду вцепится! Мы же с ней вместе все это создали! И за это я ей все прощаю! И то, что она из Клавдии в Клаудию превратилась, и то, что она рожу постоянно подтягивает, и подружек ее, таких же дур, как она. Да я даже ее шуры-муры с массажистами и мужиками из фитнес-центра прощаю, потому как сам не без греха и люблю за молодое мясо подержаться. И ни на какую молодую девку, которой только мои деньги и нужны, я Клавдю не променяю!

Он снова выпил, кивнув при этом мне на бутылку, но я отказалась, объяснив:

– За рулем!

– Ну да ладно! – согласился он и, видимо, захорошев, пустился в воспоминания: – Мы же с Клавкой с одной деревни, еще в школе с ней гуляли. Потом я в армию пошел, а она в город перебралась, в общежитии жила. И дождалась она меня честно, хотя нравы там сами знаете какие, – с гордостью сказал он. – Ну, я с армии вернулся и тоже в город уехал – я же в семье младший, мне там ничего не светило. Учеником рубщика мяса устроился, и поженились мы. В том же общежитии и жили, да только предупредили нас, чтобы детей ни-ни, а то выгонят. Вот и стали мы с Клавдей на свой угол копить! Копеечку к копейке собирали и наскребли! – выразительно произнес Андреев. – Купили дом-развалюху, но свой угол-то, не чужой! Сами себе хозяева! Родня ее и моя с деревни приехала и помогла дом до ума довести! А тут перестройка началась! Создал я свой торгово-закупочный кооператив. Клавдя на бухгалтера выучилась. Подниматься потихоньку начали. И тут наехали на меня: делись, мол! А почему я с этими дармоедами делиться должен? – возмущенно спросил он. – Это я на своем горбу туши таскал! Это я по всей области, как проклятый, мотался! Послал я этих рэкетиров куда подальше, а они меня аккурат возле нашего дома и подкараулили! Клавдя, хоть и тяжелая была, а защищать меня кинулась! Ну, и ей тоже крепко досталось! Попали мы оба в больницу, отлежались, а ребенка потеряли, – с горечью сказал он. – Свистнул я потом родню из деревни, посчитался с подонками этими, а ребенка-то не вернешь!

– Какой ужас! – совершенно искренне сказала я.

Андреев покивал головой на мои слова и продолжил:

– Клавдия потом долго лечилась, благо деньги у нас кое-какие уже появились. Вот Ванька у нас и родился. Она с него пылинки сдувала! Надыхаться не могла! Бывало, нашкодничает, паразит, и тут же к матери бежит! Я за ремень, а она в крик! Вот и выросло черт знает что! И кабы не Сандра эта!..

– Как вы эту девушку назвали? – встрепелась я, потому что Семен Иванович невольно вернул меня к сути нашего разговора.

– Сандра, – повторил он.

– Редкое для наших мест имя, – заметила я.

– Это у нас редкое, а у нее мать грузинка, – ответил он, и я удивилась еще больше.

– Но девушка совсем не похожа на грузинку! Может, у нее отец русский?

– Вахтанговна она, – сказал Семенов и поднял на меня совершенно трезвые глаза. – А по фамилии – Нинуа.

– Не стыкуется имя с внешностью, – задумчиво проговорила я.

– Там много чего не стыкуется, – многозначительно произнес он и как бы между прочим добавил: – Например, то, что ее уже два раза убить пытались.

– Что? – воскликнула я.

– Да, Татьяна! – веско ответил он. – Когда на них с Ванькой первый раз напали, я решил, что это просто хулиганы были. Ну, мои ребятишки вовремя подросли и накостыляли тем от души. А вот во второй раз они малость припозднились – на другой стороне улицы были! Пока через дорогу перебежали, один из тех, кто на мальцов напал, успел Сашку – это я так Сандру зову – ножом ударить. И заметь – ее! А не Ваньку, который ее изо всех сил защищал, да только куда ему? Маменькин сынок! – недовольно бросил он, но тут же поправился: – Хотя тех четверо было! Тут бы, может, и я не справился, хотя по молодости был здоров, как вол.

– Их задержали? – спросила я.

– Нет! – покачал головой Андреев. – Сбежали, когда моих увидели.

– А девушка серьезно ранена?

– В больнице лежит, проникающее ранение брюшной полости, но, как говорят врачи, опасности для жизни нет, – объяснил он. – Ее мать с Ванькой там круглые сутки дежурят. Я, конечно, и за операцию заплатил, и лекарства покупаю, какие скажут, но... – он вздохнул. – Дело в том, что Сашка, как после операции в сознание пришла, твердо Ваньке сказала, что, когда она поправится, они с матерью из города уедут. А он тут же нам с Клавдией заявил, что уедет вместе с ними хоть на край света. Вот я и стал затылок чесать, что делать!

– Какой же хвост за ними тянется? – задумчиво произнесла я, на что Андреев сразу же ответил:

– Не знаю! Я своих охломонов напугал, чтобы они разузнали насчет Сашки с матерью, откуда, мол, у этой истории ноги растут, а они только кулаками махать и горазды. Вот и стал я у людей интересоваться, кого мне для этого дела нанять. А Мишка Морозов – он ведь тоже деревенский, мы с ним частенько вечером соберемся и за рюмочкой бывшее вспоминаем – мне и сказал, что ты его из такого дерьма вытащила, откуда он сам никогда в жизни не выбрался бы. Вот я к тебе и обратился. Поможешь? В деньгах я тебя не ограничиваю! – с этими словами он достал из стола и протянул мне конверт. – Как все раскопаешь, еще заплачу! Ты пойми! – настойчиво сказал он. – Не могу я допустить, чтобы мой единственный сын черт знает куда уехал! А он ведь уедет! – уверенно произнес Андреев. – Он же без Сашки дышать не может!

– Сделаю все, что в моих силах! – твердо пообещала я.

– Ну, тогда держи, что ребятишки накопили – авось сгодится! – он протянул мне папку. – И еще! Если помощники нужны будут, то только свистни! Я тебе своих охломонов дам, а они у меня не стеснительные! Крови не боятся!

– Бог даст, этого не потребуется, – ответила я, поднимаясь из кресла, и попросила: – Я возьму две фотографии Сандры – вдруг пригодятся?

– Бери сколько надо! – махнул рукой Андреев.

Я выбрала два снимка девушки: один – в полный рост, а второй – там где крупно было сфотографировано ее лицо, и убрала их в сумку, а Андреев тем временем достал свою визитку и с нажимом произнес:

– Звони мне в любое время дня и ночи! Тут все мои телефоны есть, – и тоже встал из-за стола. – Ты уж постарайся, Татьяна! – попросил он. – Сын-то у меня один!

Вернувшись домой, я заварила себе кофе и, устроившись с ним и с сигаретой в кресле, начала просматривать бумаги в папке.

– Так! – начала вслух рассуждать я. – Что мы имеем? Сандра Нинуа родилась в Сухуми в 1989 году, и восемнадцать ей весной уже исполнилось. Мать Манана Георгиевна, пятидесяти лет, родилась в Кутаиси. Вдова, муж Вахтанг Анзорович умер в январе 1993-го в Сухуми. А это что у нас? А, копия личного дела Мананы Георгиевны! Так. Тбилисский мединститут, врач Сухумской детской больницы, а потом и главврач. В июне 93-го она переехала в Ростов-на-Дону – ну, понятно! Беженцы! Там она работала педиатром в заводской медсанчасти, а жили они скорее всего в заводском общежитии. Адреса нет, ну да ладно! Разберемся! Что у нас дальше? Ага! Почему-то в 2004-м они переехали в Волгоград, где жили... – я посмотрела на адрес, добытый людьми Андреева, – тоже в общежитии. Мать работала врачом в районной детской поликлинике, а дочь училась в школе... – я порылась в бумагах и нашла ее номер. – А вот в январе 2005-го они перебрались в Тарасов, причем мать сорвала дочь с занятий посередине учебного года. Здесь у нас Сандра закончила школу, поступила в мединститут, причем на коммерческое отделение – оно и понятно, чтобы поступить на бюджетное, надо дать на лапу столько и сразу, что проще платить каждый семестр. И почему же это им на одном месте-то не сидится? Ничего! Выясню! Живут мать с дочерью в Тарасове в рабочем общежитии, потому что Манана Георгиевна опять-таки работает в медсанчасти завода, которому это общежитие и принадлежит. А это что? А это андреевские работнички ножа и топора еще и с людьми поговорили! И что же они выяснили? А то, что мать с дочерью держатся особняком, ни с кем близко не общаются, а только в силу необходимости. А вот и копия милицейского протокола... Так-так-так... Напали неизвестные, которых Сандра не знает, и их внешность никто не запомнил... А о первом нападении, что примечательно, ни слова!

Исчерпав на этом все документы в папке, я отложила ее и задумалась: с чего начинать? Вероятно, начинать надо с разговора с Мананой Георгиевной – чем черт не шутит? Вдруг у меня получится вызвать ее на откровенность? Хотя... Если уж Сандра ничего не сказала Ивану, который за ней, как хвостик за собачкой, бегает, то и от ее матери я вряд ли добыю что-нибудь путного. Но попробовать все равно нужно! «Интересно, а что мне гадальные кости подскажут?» – подумала я и бросила их. Увидев 8+18+27, я вздохнула, потому что это значило, что существует опасность обмануться в своих ожиданиях, и, буркнув:

– Типун вам на ребра! – пошла спать.

На следующий день я встала пораньше и отправилась напрямиком в медсанчасть завода, где мне сообщили, что Нинуа взяла отпуск за свой счет, чтобы ухаживать за дочерью, которая там же в стационаре и лежала, так что мне нужно было всего лишь перейти в другое здание. Узнав у медсестры, где находится Сандра, я отправилась к ней в палату, по дороге ругнув себя за то, что ничего не купила – неудобно же приходиться к больной с пустыми руками, но потом успокоила себя тем, что уж Иван-то точно натаскал туда столько и всего, что девочка ни в чем не нуждается. Около палаты я увидела черноволосую женщину в белом халате и молодого

парня, в котором тут же узнала Ивана. Они тихо, но яростно о чем-то спорили, и я, радуясь, что им нет до меня никакого дела, подошла поближе и прислушалась.

– Ванечка! Дорогой! – говорила женщина с ярко выраженным грузинским акцентом. – Прошу тебя! Езжай домой! Ты поверь мне, дорогой, что не получится у тебя с Сандрой ничего! Не пара вы! Да и молодой ты еще! А мы с Сандрой, как она поправится, уедем отсюда, и ты ее забудешь! А потом твоя мать тебе достойную невесту найдет!

– Да поймите вы, Манана Георгиевна! – шепотом кричал Иван. – Я Сашу люблю! Я без нее жить не смогу! И никто другой мне не нужен! Я за вами хоть на край света поеду! Поверьте мне!

– Зачем мать обижаешь? – возражала женщина. – Ты у нее один! И она у тебя одна! Другой не будет! Как они с отцом без тебя будут? Кто их старость согреет? Неужели ты еще не понял, что рядом с Сандрой жизнью рискуешь? В этот раз ее зарезать пытались, а в другой раз ты пострадаешь! Кто тогда твоим родителям внуков родит? Кто их род продолжит?

– Вот мы с Сашей и родим! – настаивал парень. – А в обиду я ее никому не дам! Я за нее кому угодно горло перегрызу, как собака!

«Уж ты перегрызешь! – усмехнувшись, подумала я. – Ростом и статью ты в отца пошел, а вот драться, видать, не умеешь – маменькино тепличное воспитание сказывается!»

Между тем спор их закончился ничем, и Иван вернулся в палату, а женщина куда-то пошла по коридору, и я, воспользовавшись этим, поспешила за ней.

– Манана Георгиевна! – позвала я.

Женщина обернулась и остановилась. Пока я к ней шла, у меня была возможность хорошо ее разглядеть, и я поразились: корни ее густых волос были совершенно белыми, под глазами залегли темные круги, а само лицо было осунувшимся и печальным.

– Можно с вами поговорить? – спросила я, подходя.

– О чем? – устало спросила она. – Я же сейчас не работаю.

– О нападении на Сандру, – объяснила я.

– Дочь уже все рассказала милиции, – ответила она.

– Боюсь, что не все, – покачала головой я. – Ведь это было уже второе нападение, не так ли?

– Кто вы? – резко спросила она.

– Я частный детектив Татьяна Александровна Иванова, – представилась я, умышленно умолчав о том, что работаю по поручению Андреева – черт его знает, как она к нему относится!

– Мне не о чем с вами разговаривать, – сухо отрезала она и, повернувшись, пошла дальше.

«Ничего страшного! – успокоила я себя. – Не получилось с ней, так получится с Иваном. Нужно только его подождать!» Я уселась в кресло в холле под дежурной для любой больницы пальмой так, чтобы видеть дверь палаты, и набралась терпения. И действительно, когда в палату вернулась Манана Георгиевна, Иван вышел, прошел в холл, где открыл окно и закурил.

– Что же это будущий врач курит? – спросила я, встав и подходя к нему, а потом тоже достала сигарету, решив, что вот так мы скорее найдем общий язык.

– Вы кто? – спросил Иван, настороженно глядя на меня.

Я представилась и объяснила:

– Твой отец нанял меня для того, чтобы я выяснила причину нападений на Сандру. Да и вообще в этой истории очень много непонятного, – заметила я и, видя, что он не собирается мне отвечать, спросила: – Ты хочешь, чтобы Сандра была в безопасности? Ты хочешь, чтобы она осталась здесь и со временем вышла за тебя замуж?

– Конечно, хочу! – тут же ответил он.

– Тогда скажи мне, она когда-нибудь говорила, почему они уехали из Волгограда, – поинтересовалась я, и он в ответ только отрицательно покачал головой. – А из Ростова-на-Дону?

– А они и там жили? – удивился он.

– Получается, что я о них знаю больше, чем ты, – вздохнула я и предупредила: – Ты девочку сейчас расспросами не тревожь! Не надо! А вот когда я все до конца выясню, тогда и поговорим все вместе.

– А вы сможете? – с надеждой спросил Иван.

Я в ответ только усмехнулась.

Выйдя из больницы, я села в машину, закурила и задумалась. Надо ехать в Волгоград, благо туда на хорошей скорости часов пять ходу, не больше. Но отправляться туда на пустое место не хотелось – слишком много времени займет налаживание нужных контактов и связей – и я поехала к Кире, то есть к Владимиру Сергеевичу Кирьянову, подполковнику милиции и своему старинному другу.

– Володя, – сказала я, входя к нему в кабинет, – у тебя случайно в Волгограде никого нет из милицейских?

– Неслучайно есть, – спокойно ответил он, давно перестав удивляться моим вопросам. – А что?

– Да вот хочу туда завтра утром пораньше съездить, чтобы кое-что выяснить, – объяснила я.

– Новое дело? И, судя по всему, не из легких? – спросил он.

– Иначе бы не просила, – ответила я.

– Потом расскажешь? – сказал он, берясь за телефонную трубку.

– Только если это не будет противоречить интересам моего клиента, – уклончиво заметила я – при всех наших дружеских отношениях я никогда не распространяюсь о чужих тайнах.

– Дама, загадочная во всех отношениях, – усмехнулся он и уже в трубку сказал: – Привет, Петя! Это Кирьянов! Я с просьбой – тут к тебе завтра подъедет некто Татьяна Александровна Иванова... Да! Молодая и красивая!.. Да ну тебя! Это друг!.. Говорю же – друг! Ты меня знаешь – я свято блюду моральный кодекс молодого строителя коммунизма и на сторону не хожу!.. Ну, что ж, попробуй! Но предупреждаю заранее – у нее черный пояс по карате, так что потом не обижайся!.. Передумал? Вот и замечательно! Она частный детектив, и у нее появились в вашем городе кое-какие интересы. Так что помоги ей, как мне!.. Договорились!

Положив трубку, Володя объяснил мне, как найти его друга Петра Федоровича Кириллова и как он выглядит, и я, видя, что стол Кири завален бумагами, от которых я его оторвала, спешно ретировалась. Дома я собрала сумку с кое-какими мелочами – вдруг заночевать придется – и поставила будильник на пять часов, чтобы утром по холодочку, пока солнце не разгулялось вовсю, проехать большую часть пути. Перед тем как лечь спать, я решила узнать, чем закончится моя поездка, и кинула гадальные кости. Выпало 4+36+17. Это значило, что, несмотря на трудности, мои дела пойдут так, как надо, и это меня приободрило.

Волгоград встретил меня испепеляющей жарой, и я, выйдя из машины около райотдела милиции, с надеждой на прохладу, которую долженствовал обеспечить кондиционер, нырнула внутрь. Надежды мои оказались тщетны – в кабинете, который Кириллов делил со своим коллегой, такой роскоши не предусматривалось. Сам изнывавший от жары и раскаленный, вентилятор лениво гонял по комнате горячий и прокуренный воздух. Кириллова я по описанию Володи узнала сразу: невысокий, с кругленьким животиком и залысинами, он едва доставал мне до плеча, что разом лишало его даже малейших надежд на взаимность, что он тут же прочитал на моем лице и перешел прямо к делу.

– Присаживайтесь, Татьяна Александровна! – предложил он. – Чем я могу вам помочь?

– Петр Федорович, – начала я, – в вашем городе вот по этому адресу, – я протянула ему листок, – в общежитии в течение некоторого времени проживали мать и дочь Нинуа. Мне необходимо выяснить, не случилось ли с ними за это время что-нибудь такое, что могло бы

заставить их переехать в Тарасов. Мать работала педиатром в районной детской поликлинике, а девочка училась в школе – номер там есть, – я кивнула на листок, который он держал в руках. – Скорее всего, она находится в этом же районе.

– Да! – подтвердил он, возвращая мне листок. – Но это не наш район. – А потом добавил: – Не расстраивайтесь – дело поправимое, – и спросил: – Вы на машине?

– Конечно, – ответила я.

– Тогда поехали в их райотдел и на месте узнаем, что к чему, а потом к участковому можем заехать, – предложил он.

– Мне бы хотелось еще в общежитии побывать, – попросила я.

– Сделаем, – кивнул он. – Вместе с участковым и наведаемся – он своих подопечных лучше знает, – с этими словами он встал из-за стола, надел фуражку, и мы вышли из кабинета.

Я села за руль и, следуя его указаниям, поехала. Оказалось, что это относительно недалеко, и мы быстро добрались. В этом райотделе я с радостью и облегчением вдохнула охлажденный сплит-системой воздух и последовала за Кирилловым, который снова показывал мне дорогу. Остановившись около одной из дверей, он сначала постучал, а потом заглянул и вкрадчиво спросил:

– Можно?

Видимо, получив молчаливый кивок, он открыл дверь пошире и первым вошел. В уютном кабинете с массой цветов на подоконнике, шкафах и сейфе сидела симпатичная женщина в форме капитана милиции. Увидев Кириллова, она радостно заулыбалась, но вот при виде меня мгновенно скисла.

– Леночка! Мой друг из Тарасова попросил меня помочь Татьяне Александровне. Она полчаса как приехала и сегодня же собирается обратно, – поспешно объяснил Петр Федорович, давая понять, что не имеет ко мне никакого отношения, и лицо женщины немного прояснилось. – Она интересуется Нинуа, – добавил он.

– Присаживайтесь, – пригласила меня женщина и представилась: – Елена Юрьевна. Можно просто Лена.

На что я, как положено, ответила:

– Очень приятно! Можно просто Таня! – и села, а Петр Федорович устроился на стуле около окна и сделал вид, что происходящее его совершенно не касается.

– А почему вы ими интересуетесь? – спросила Елена.

– Я частный детектив и работаю по поручению моего клиента, – объяснила я. – Хочу выяснить, почему они, Манана Георгиевна и Сандра Вахтанговна Нинуа, прожив в Волгограде совсем немного, спешно уехали посередине учебного года, хотя девочка была школьницей.

– А соответствующая квалификация у вас имеется? – поинтересовалась Лена.

– И даже лицензия, – добавила я, доставая ее из сумочки и протягивая ей.

– Так вы из наших, милицейских? – спросила она, возвращая мне лицензию, которую самым внимательным образом прочитала.

– Из прокурорских, – пояснила я.

– А-а-а! – протянула Елена и, повторив: – Нинуа... Нинуа... – задумчиво сказала. – Где-то мне эта фамилия встречалась, только вот где?

– Я вас очень прошу, помогите, пожалуйста, – попросила я, протягивая ей все тот же листок с данными. – Может быть, это связано с общежитием, с районной детской поликлиникой или со школой.

Лицо Елены напряглось, глаза сощурились – видно было, что она усиленно вспоминала... вдруг она удовлетворенно улыбнулась.

– Вспомнила! – торжествуя сказала она и начала рассказывать: – Точно! Дело было в январе 2005-го! Во время каникул и как раз в школе! Там по вечерам работал для учащихся кружок бальных танцев. Вот вечером – уже темно было, но над входом яркий свет горел –

оттуда три девочки после занятий и вышли. Тут-то по ним два раза и выстрелили! И одну девочку ранило, но она выжила.

– Но не Сандру? – уточнила я.

– Нет! – покачала головой Елена. – Не ее! Другую! Они, конечно, крик подняли! Из школы выскочили кто там был, вызвали «Скорую» и милицию. Раненую тут же в больницу отвезли, а мы двух других девочек в присутствии учителей допрашивали. Вот тогда-то я эту фамилию и услышала.

– Стрелявшего нашли? – быстро спросила я.

– Нет, – с сожалением сказала она. – Нашли две гильзы от пистолета «ТТ», нигде не засвеченного, и все. И допрос девочек ничего не дал – они же на свету стояли, своими разговорами были заняты и не очень-то видели, что там в темноте творилось.

– Глухарь! – вздохнула я.

– Он самый! – невесело согласилась Елена. – К тому же у нас разбойное нападение на инкассаторскую машину было. Три трупа – не шутка! Вот все силы на него кинули. А это со временем закрыли, – закончила она и вдруг, встрепенувшись, спросила: – Вы думаете, что целились именно в эту Ниноу, но просто промахнулись?

– Похоже на то, – подтвердила я. – Потому-то мать так спешно дочь и увезла, – и спросила: – Вы не могли бы по справке узнать в адресном бюро, откуда они в Волгоград прибыли? Я знаю, что в 2004-м из Ростова-на-Дону, но мне нужен точный адрес.

– Если он там есть, – добавила Елена. – Паспортистка могла просто написать, из какого города, и все, но попробовать можно, – согласилась она, берясь за трубку, и спросила: – Думаете, что концы там искать надо?

– Думаю, что да, – вздохнула я.

Елена позвонила в адресный стол и, назвав пароль, сказала, что ей надо. Буквально через две минуты она, взяв ручку, начала писать, а закончив, положила трубку и сказала:

– На ваше счастье, есть! – и протянула мне листок бумаги.

– Значит, я была права и это действительно общежитие, – сказала я, посмотрев на адрес.

– А где еще беженцы могли в то время устроиться? – удивилась Лена. – Только там!

От души поблагодарив ее, я направилась к выходу, а Кириллов немного задержался, и я краем уха услышала, что он пообещал заехать к ней вечером домой. «Ну, ты и ходок!» – мысленно усмехнулась я, но вслух, естественно, ничего не сказала.

– Ну, что? В общежитие, к участковому или в школу? – спросил, догнав меня, Кириллов.

– В Тарасов, – ответила я. – Ничего существенно нового я здесь уже не узнаю!

– Тогда давайте заедем ко мне домой! – предложил он и, увидев мои удивленно поднятые брови, пояснил: – Да я просто хочу Володке рыбки передать! Пусть под пиво поест и вспомнит меня не только тогда, когда помощь потребуется.

– Хорошо! – согласилась я.

Ох, как же я потом об этом пожалела! Этот аппетитный, сводящий с ума запах соленой и копченой рыбы искушал меня всю обратную дорогу домой и я, въехав в город, первым делом позвонила Кирьянову и, узнав, что он еще на работе, завезла ему рыбу.

– С большим приветом от Кириллова из Волгограда! – сказала я, отдавая ему увесистый сверток. – Забирай скорее, от греха подальше, а то я сама себе удивляюсь, как удержалась и не ополовинила его.

– А вот мы с тобой, Татьяна, как у меня свободное время выдастся, эту прелесть и оприходуем! – предложил Киря.

– Свободное время? – воскликнула я. – У тебя?

– Тоже правда! – согласился он и спросил: – Съездила удачно?

– Вполне, – подтвердила я. – Но, как мне кажется, это только начало большого пути.

– Куда на этот раз? – с интересом спросил Володя.

- В Ростов-на-Дону, – ответила я. – А у тебя там случайно?..
- Увы! – Кирьянов развел руками. – Там у меня никого нет.
- Ну, на нет и суда нет, – вздохнула я. – Буду обходиться собственными силами.
- Пробьешься! – уверенно сказал Киря.
- А то! – рассмеявшись, ответила я.

Вернувшись домой, я приняла душ, поела и, когда пила кофе, решила выяснить, как дальше пойдут мои дела. Кости показали мне 30+15+8, и я недоуменно пожала плечами:

– Мне откроются неизвестные ранее факты? Так откуда я вам другие возьму в начале расследования?

Если вам кто-нибудь когда-нибудь скажет, что поездка на поезде, да еще в плацкартном вагоне, да еще в жару, это хорошее начало отпуска или работы, то не верьте! Из-за того, что самолеты из Тарасова в Ростов-на-Дону не летали, мне пришлось добираться по железной дороге, да еще в прицепном вагоне, который присоединяли к проходящему поезду на нашей станции. Детские вопли, пьяные крики, специфический вагонный дух, который особенно остро чувствуется именно в плацкартных вагонах и от которого не спасают даже открытые окна, довели меня до белого каления, и я с трудом сдерживалась, чтобы не заехать по морде очередному пьяному мужику, которому среди ночи вдруг захотелось покурить, и он отправился в тамбур по проходу, покачиваясь и задевая всех, кто попадался ему по пути. Одним словом, когда я вышла наконец из поезда, то чувствовала себя жутко провонявшейся и липкой от пота. И единственное, о чем я в тот момент яростно мечтала, – залезть в ванну и лежать, лежать, лежать...

– В любую приличную гостиницу в центре города, где есть горячая вода и кондиционеры, – сказала я водителю такси, садясь в машину.

– «Интурист» на Энгельса, – тут же ответил он, и мы поехали.

В гостинице я повторила свои требования ресепционисту, как их называет Михаил Задорнов, и узнала, что с кондиционерами остались только «люксы».

– Давайте! – решительно сказала я, потому что в деньгах благодаря Андрееву была действительно не ограничена.

В номере я быстро разделась, побросав одежду как попало, потому что все это было невозможно надеть еще раз без стирки, и, возблагодарив бога, что додумалась взять с собой еще один костюм, налила ванну и плюхнулась туда блаженствовать. Решив, что как следует отмокла, я вымылась и, выйдя из ванной, упала на кровать. В комнате было так хорошо и прохладно, что я мгновенно уснула, чтобы добрать недобранное в поезде. Проснувшись, я поняла, что на сегодня работы не предвидится – был уже вечер, и, приведя себя в порядок, спустилась в ресторан поужинать. Отбившись, правда без применения грубой физической силы, от нескольких подвыпивших посетителей, которые настойчиво набивались мне в компаньоны, причем не только на ужин, но и на ночь, я вернулась к себе и провела остаток вечера перед телевизором – из-за полного отсутствия новой информации думать о деле не имело никакого смысла – это было бы переливанием из пустого в порожнее.

Зато утром я встала пораньше и полюбовалась из окна медленно текущим Доном с баржами и буксирами. Услышав утренний прогноз погоды, обещавший ростовчанам сумасшедшую жару, я решила срочно заняться делом, чтобы как можно скорее уехать из этого пекла. Выйдя из гостиницы, я взяла такси и показала водителю адрес общежития.

– Далековато будет, – хмыкнул он.

– Что? Машина не доедет? – ехидно поинтересовалась я.

– Просто на обратную дорогу клиента не найду, – пояснил он.

– Черт с тобой! – огрызнулась я на вымогателя. – Плачу за оба конца!

– Вот это другое дело! – обрадовался он, и мы поехали.

Ехать действительно оказалось далеко. Когда же мы наконец остановились возле обшарпанного четырехэтажного здания на окраине города, вокруг которого витал стойкий аромат выгребной ямы, я сильно засомневалась, что смогу отсюда нормально выбраться, потому что никаких остановок общественного транспорта по дороге не увидела, а о такси и говорить не приходилось – по дороге нам не попало ни одной машины ни в нашем, ни в обратном направлении.

– Слушай, парень! – сказала я водителю. – Я передумала! – Он тут же угрожающе повернулся ко мне, и я пояснила: – Будешь ждать меня здесь и потом отвезешь обратно! А может, еще куда сегодня съездить придется.

– А я чего? – обрадовался он. – Я со всем нашим удовольствием!

– Ну, тогда возьми за то, что мы уже проехали, и я пошла.

Отдав ему деньги, я вышла из машины и направилась в общежитие, где была тут же встречена дежурным вопросом бдительной вахтерши:

– Вы к кому?

– А может быть, и к вам, – приветливо ответила я и, поздоровавшись, спросила: – Вы случайно не помните мать и дочь Нинуа, которые отсюда в 2004-м уехали? Я их ищу по очень важному делу.

– Нет! – покачала головой она. – Я тут всего год. Как под сокращение попала, так через биржу сюда и устроилась. Мне до пенсии три года, надо же как-то дорабатывать, – объяснила она.

– А здесь есть кто-нибудь из старых жильцов, которые могут их помнить? – поинтересовалась я.

– Наверное, есть, – неуверенно ответила женщина. – А вообще, контингент у нас здесь часто меняется – поживут пару-тройку месяцев и уедут.

– А может, комендант лучше вас знает? – предположила я.

– Может, – согласилась она. – Когда я сюда пришла, он уже работал.

– А где мне его найти? – обрадовавшись, спросила я.

– Да он за домом с рабочими воюет, – объяснила вахтерша. – Траншею разрыли и не делают ничего, паразиты! – возмутилась она. – А люди тут без воды сидят.

– Без горячей? – уточнила я. – Так это летом везде такая история.

– Если бы! – воскликнула она. – Без холодной! В колонку за два квартала ходить приходится! И туалеты не работают! Люди поутру ведра выплескивают! Кто посовестливее, те подальше, а пьянь всякая, так прямо возле крыльца, чтоб им пусто было!

– Н-да! – только и смогла на это ответить я и пошла искать коменданта.

Нашла я его именно там, где и говорила вахтерша, точнее, сначала услышала, потому что мат стоял такой, что я даже остановилась. Я, конечно, давно уже не краснею и не смущаюсь, когда слышу подобное, но это было нечто! Завернув за угол, я увидела сидевших на куче земли работяг и стоявшего перед ними мужика в тельняшке, который живописал своим внимательным слушателям, что с ними будет в самом ближайшем будущем, если они немедленно не начнут работать. Работяг, видимо, проняло, потому что они нехотя поднялись и спустились в траншею.

– Семь потов с этими гадами сойдет, пока заставишь их с места стронуться! – пожаловался он мне, вытирая лоб, а потом спросил: – Вы ко мне?

– К вам, – подтвердила я. – Я хотела узнать у вас, помните ли вы Нинуа.

– Помню! – кивнул он. – Одни из самых приличных жильцов, что здесь были.

– А не знаете ли вы, куда и почему они отсюда уехали.

– Не знаю. Я тогда в отпуске был. Вышел на работу, а их уже нет!

– А, как вы думаете, кто может это знать? – спросила я.

Комендант почесал в затылке, подумал и сказал:

– Смирновы, наверное, – они с ними в соседней комнате жили. Тоже люди приличные. Сам-то выпивает, но по выходным и в меру. Да! Манана же ребенка их лечила! – воскликнул он. – Так что вы их попросите!

– А где они?

– На втором этаже в 35-й живут. Только они сейчас на работе! Раньше шести не придут! – объяснил он.

– Ладно! Вернусь к этому времени! – пообещала я и попросила: – А нельзя в книге регистрации посмотреть адрес, откуда они прибыли? Вдруг там о них что-нибудь есть?

– А у меня этого нет! – развел руками комендант. – Вы лучше в адресный стол сходите, может, там чего есть.

– Спасибо, я так и сделаю, – сказала я и спросила: – А где находится ближайшая школа? Может быть, мне там скажут, с кем Сандра дружила и теперь переписывается.

– А их здесь три, – ответил он. – Одна-то совсем рядом – туда все общежитские ходят, вторая чуток подальше, а третья возле завода – туда рабочие на служебном автобусе ездят. Да я вам сейчас объясню, – пообещал он, но его объяснения были до того путанными и невнятными, что я поняла, что придется разбираться самой.

– Ладно, проеду по всем трем, – сказала я и пошла назад к машине, по дороге костеря себя на все корки: – Дура! Кретинка безмозглая! Ну, чего тебе стоило зайти в Волгограде в школу и узнать, откуда к ним перевелась Сандра? Поленилась? Вот теперь и крутись! Хорошо хоть ума хватило машину не отпустить, а то ковыляла бы сейчас на своих шпильках по этой жаре да еще по разбитой дороге! Идиотка законченная!

С этими словами я села в машину, и услышавший их водитель удивленно на меня уставился.

– Это я не тебе, – хмуро объяснила я и сказала: – Поехали по школам! Их тут поблизости аж три! Одна должна быть где-то совсем рядом, но я так и не поняла, где именно, так что ориентируйся сам.

– Легко! – заверил меня парень.

На деле оказалось, что это не так уж и легко, потому что он долго крутился по окрестным улицам, а потом, не выдержав, выругался сквозь зубы и достал из бардачка карту города. Но и с ней ему приходилось то и дело останавливаться и спрашивать прохожих, как ему проехать. По закону подлости нужная мне школа оказалась третьей, той самой, что находилась около завода, и я тут же поняла почему – рядом стояло здание детской поликлиники той медсанчасти, где работала Манана Георгиевна.

– Могла бы и раньше догадаться, дурища! – прошептала я в свой адрес сквозь зубы и тут же нашла себе оправдание: – Да в такой жаре мозги просто плавятся! Где уж им соображать!

Узнав у вахтерши, что в учительской на втором этаже должен кто-то быть, потому что ключ еще не сдали, я обрадовалась и быстро направилась туда. Изнывавшая там от жары женщина что-то писала, постоянно вытирая друг о друга потевшие ладони, и очень неохотно согласилась со мной побеседовать. Узнав, что она хорошо помнит Сандру, я без особых церемоний достала из кошелька и положила на стол сто долларов.

– Это мне? – изумленно спросила женщина.

– Да, если вы подробно ответите на мои вопросы, – подтвердила я.

– А что вы хотите узнать? – не отрывая взгляд от денег, спросила она.

– Все! – исчерпывающе ответила я и уточнила: – Все, что вы знаете! Фантазии мне не нужны! Главное же, что меня интересует, почему Нинуа уехали из Ростова.

– Не знаю, – расстроено ответила учительница, решив, наверное, что денег ей теперь не видать. – Сандра у нас гордостью школы была. Круглая отличница! А танцевала как! У нас в городе был областной конкурс по бальным танцам, так она там первое место заняла! О ней даже в центральной прессе писали! – с гордостью заявила она. – У нас эта вырезка на стенде висела!

– В какой прессе? – насторожилась я.
– В «Комсомольской правде».
– В местном приложении? – уточнила я.
– Да нет! – махнула рукой женщина. – Я же сказала – в центральной.
– А когда был этот конкурс? – чуть не вскрикнула я.
– В 2004-м, в декабре, – недоуменно ответила она. – Как раз под Новый год!
– Спасибо огромное! – искренне сказала я. – Вы мне очень помогли! – и пододвинула по столу в ее сторону купюру.
– Чем? – удивилась учительница, не решаясь взять ее.
– Всем! – только и ответила я, поднимаясь, и, оставив ее удивляться дальше, почти бегом направилась к выходу.

При виде меня шофер завел мотор, но я отрицательно покачала на ходу головой и направилась в поликлинику, где спросила в регистратуре, как мне пройти к главврачу и давно ли он тут работает. Узнав, что с незапамятных времен, я бодрым шагом подошла к его кабинету и очень обрадовалась, увидев на табличке имя Шалва Луарсабович Лейба. Зная пристрастие южан к блондинкам (а я, между прочим, даже натуральная), я решила, что быстро и легко все выясню. Постучав, я вошла и, увидев в кресле за столом пожилого, полного и хмурого грузина, который неприязненно посмотрел на меня, сильно засомневалась, что он мне что-нибудь скажет, и оказалась права.

– Шалва Луарсабович! Скажите, пожалуйста, вы помните Манану Георгиевну Нинуа? – пустив в ход все свое обаяние, спросила я. – Она здесь у вас работала.

– Помню, – кивнул он.
– А почему она уволилась? – вкрадчиво поинтересовалась я.
– А почему вас это интересует? – вопросом на вопрос ответил он.
– По делу, – объяснила я.
– По какому делу? – уточнил он.

Поняв, что эта игра может продолжаться бесконечно, я устало сказала:

– Шалва Луарсабович! Я частный детектив и работаю по поручению своего клиента, который, можете мне поверить, не собирается причинять ни Манане Георгиевне, ни Сандре какое-нибудь зло. Наоборот, он стремится им помочь!

– Манана Георгиевна подала заявление по собственному желанию, и я его подписал, – наконец сказал он и демонстративно уткнулся в бумаги.

– Шалва Луарсабович! Последний вопрос, – просительным тоном сказала я, и он нехотя поднял на меня глаза. – Ее решение уволиться было внезапным?

Немного помолчав, он сказал только одно слово:

– Да!
– Но она хоть как-то его объяснила? – быстро спросила я.
– Это уже настоящий допрос, – недовольно сказал он.

– Умоляю, Шалва Луарсабович! Для меня это очень важно! – я даже руки на груди молитвенно сложила.

– Нет! – резко ответил он, а потом сухо добавил: – Извините, я очень занят.

Выйдя от него, я села в коридоре на стул и задумалась, где искать концы этой истории, если и в общечитии меня ждет провал. Из этого состояния меня вывел раздавшийся прямо над ухом старческий женский голос:

– Ты ждешь кого, дочка? Или ищешь? – Я подняла глаза и увидела около себя пожилую санитарку со шваброй и ведром. – А может, тебя наш главный чем обидел?

– Ну, не то чтобы обидел... – сказала я, помотав головой. – Но...

– Ты на него, дочка, не сердчай! – попросила старушка. – Это он после отъезда Мананы такой стал, – и она, горестно вздохнув, махнула рукой.

– Вы знали Манану Георгиевну? – быстро спросила я.

– А как же! – негромко воскликнула санитарка. – За столько-то лет! И ее, и дочку ее хорошо помню! Сандрочка же здесь выросла! Она, еще когда в школе не училась, целыми днями здесь находилась – врачи с ней занимались, немая она была.

– Немая?! – потрясенно воскликнула я.

– Да, – печально кивнула она. – Видать, несладко им там в Сухуми пришлось, что она на нервной почве онемела. А потом ничего! Заговорила, слава тебе, господи! Так что в школу она уже нормальная пошла. Они с Мананой утром на рабочем автобусе приезжали. Манана – в поликлинику, а Сандра – на занятия. А после уроков она прямо сюда, тут и домашние задания делала. Сначала в комнате отдыха, а потом уже у Шалвы в кабинете.

– Даже так? – удивилась я.

– Было! – солидно покивала головой санитарка. – Он же овдовел тому пять лет! Жена у него от рака умерла. Уж как он ее спасал! По каким только врачам не возил! Да не спас! Царствие ей небесное! – старушка быстро перекрестилась. – Жалели его все наши! А Манана же с ним одной крови, – и, боязливо оглянувшись на дверь главврача, тихо сказала: – Любовь у них тогда с Шалвой началась, да быстро кончилась! Только-только у них все закрутилось, как она уехала, – старушка вздохнула. – Помню, была она накануне веселая такая, счастливая! Сандрочка уже большая была! Сама с рабочими на автобусе уехала, а Манана задержалась... Ну, сама понимаешь, по каким делам! – с хитрым видом сказала она, и я в ответ понимающе покивала. – Да и то, где им встречаться-то было? Она в общежитии жила в одной комнате с дочкой, а он, видать, сына своего стеснялся. Отвез ее потом Шалва домой на машине – я из окна видела, как они уезжали. А вот на следующий день!.. – санитарка аж руками всплеснула, звякнув при этом ведром. – Пришла она, сама на себя не похожая, и напрямик к нему в кабинет. Крик там стоял! – она покачала головой.

– А из-за чего? – быстро спросила я. – Может, вы что-нибудь слышали?

– Так они по-своему говорили! – отмахнулась санитарка. – Выскочила оттуда Манана и бегом. А в руках у нее сверток какой-то был и лист бумаги! А Шалва-то потом вышел, чернее тучи, и сказал, что Манана у нас больше не работает. Сильно он из-за нее переживал! Ой, как сильно! Так и не женился до сих пор! С сыном старшим живет!

– А когда это было? – поинтересовалась я, хотя уже была уверена в ответе.

– Когда? – Старушка задумалась, а потом сказала: – В 2004 году.

– Спасибо вам большое! – радостно сказала я, поднимаясь, и, не раздумывая, вручила ей сто долларов – ничего! Не обеднеет от этого Андреев!

– Это ты чего это? – удивилась она. – Это ты чего мне дала?

– Это сто долларов, бабушка! – объяснила я. – На наши деньги немногим больше двух с половиной тысяч рублей.

– Да за что ты мне это, дочка? – обомлела она.

– За все! – кратко ответила я и быстро пошла к дверям, провожаемая ее охами и ахами.

Водитель даром времени не терял и решил перекусить, пока меня не было, так что я застала его активно жующим.

– Куда теперь? – спросил он меня с набитым ртом, когда я села в машину.

– В ближайшее Интернет-кафе или клуб! Что тут есть! – скомандовала я.

– И где его искать? – удивился он.

– А я откуда знаю? – возмутилась я. – Ты местный, тебе виднее!

– Понял! Я сейчас! – сказал парень, вылезая из машины.

Пока он разговаривал с какими-то подростками, я принялась – в машине аппетитно пахло чем-то жареным, и у меня засосало под ложечкой. «Да и мне бы не мешало поесть!» – подумала я, но тут же решила, что обойдусь – дело важнее.

– Есть! – сказал мне, вернувшись, шофер. – Здесь недалеко!

Интернет-клуб оказался задрипанным и заплеванным подвалом, где с воплями и ожесточенным азартом подростки расстреливали своих виртуальных врагов. Свободный компьютер все же нашелся, и я, открыв «Яндекс» и набрав имя «Сандра Нинуа», тут же получила не только то, что ожидала увидеть: статью о конкурсе, где упоминалось имя победительницы и была четкая фотография ее и какого-то мальчишки, но и небольшую заметку из «Волгоградского вестника» о том, что Сандра Нинуа заняла второе место на областной олимпиаде по химии, а вот про Тарасов там ничего не было. «Ой, как интересно! – подумала я. – Получается, что их кто-то преследует, используя при этом новейшие достижения науки и техники, но кто? Где его искать? И, самое главное, почему этот некто хочет Сандру убить? Ладно! – решила я. – У меня пока период накопления информации. А вот как наберу ее побольше, тогда и анализировать примусь!»

– А теперь поехали в адресный стол, – скомандовала я, вернувшись в машину.

– Он в центре, – предупредил меня парень.

– А какая разница! – отмахнулась я. – У меня все равно до шести вечера время свободное.

Он искоса глянул на меня, вздохнул сочувственно, и мы поехали. «Чего это он?» – удивилась я, но, когда мы туда приехали, перестала удивляться и поняла «чего» – возле закрытых дверей стояла потная, злая от жары и долгого стояния на ногах толпа, при виде которой было ясно, что она растерзает любого, кто попытается сунуться без очереди.

– Как раз обеденный перерыв кончается, – объяснил водитель. – Как двери откроют и все войдут, можете попробовать зайти следом. А так, – он кинул на толпу, – и не суйтесь!

– Да поняла уже! – невесело отозвалась я и сказала: – Слушай, парень! Душевно тебя прошу: напрягись и подумай, может, у тебя здесь кто-нибудь знакомый есть.

– Откуда? – удивился он. – Я на Левбердоне живу.

– Где? – переспросила я.

– Ну, на левом берегу Дона, – объяснил он.

– А у родственников? Знакомых? Друзей? Друзей по армии? – настаивала я. – Ты не волнуйся! Я заплачу!

Услышав это, водитель начал активно чесать в затылке, говоря при этом:

– Ну, если так, то надо подумать.

Муки мыслительного процесса явственно отражались на его лице. Потом он достал из бардачка записную книжку и, взяв сотовый, начал звонить. Между тем обед закончился, толпа ломанулась в двери, где мгновенно образовалась давка, и слышались возмущенные крики, в основном женские.

– Что вы хотите? – усмехнулся шофер, отрываясь от своего дела. – Южная кровь! Темпермент! Как у нас говорят: «Гену пальцем не задавишь!»! Гены, в смысле!

– Да уж вижу! – согласилась я.

Наконец книжка дошла до конца, парень тяжело вздохнул и виновато посмотрел на меня.

– Значит, придется пробиваться самой! – вздохнула я и отправилась в адресный стол.

Взяв бланк заявки и заполнив его, я пристроилась в хвост очереди к окошечку. Разморенная жарой работница шевелилась, как сонная муха, и я, обливаясь потом и обмахиваясь носовым платком, продвигалась к цели мелкими приставными шагами. Оказавшись наконец возле окошечка, я наклонилась к нему и протянула работнице листок и свой паспорт, предварительно вложив в него пятьсот рублей в надежде, что это заставит женщину не только не задавать лишних вопросов, но и поторопиться. Она медленно прочитала заявку, проигнорировав пока паспорт, а потом подняла на меня удивленные глаза и спросила:

– А зачем вам эти данные?

– Ой, простите! – воскликнула я. – У меня там в паспорте еще один листочек лежит! Вы его посмотрите и все поймете.

Пролистав паспорт и обнаружив деньги, женщина подняла на меня обалделый взгляд, и я ей покивала:

– Да-да! Именно этот!

Она немного помолчала, переваривая увиденное и услышанное, а потом сказала:

– Только для этого архив поднимать придется.

– Ничего! – успокоила я ее. – Я подожду! А вы, как найдете, позовите меня по фамилии, и я к вам подойду.

Женщина кивнула, соглашаясь, и крикнула куда-то в глубь помещения:

– Надя! Подмени меня! – даже не подумав выписать мне квитанцию за услуги.

На ее зов появилась другая женщина, а первая быстро скрылась из виду – все ясно! Делиться она явно не собиралась! Я вышла на улицу и, встав в тени дерева, где хотя бы не было прямого солнца, закурила. «Ждать мне придется неизвестно сколько, а есть хочется ужасно, – тоскливо подумала я. – Да чего там есть! Жрать я хочу так, что хоть ветки грызи!» Немного забив голод курением, я вздохнула и вернулась в помещение, где, несмотря на открытые окна, было совершенно нечем дышать. Присев на подоконник, где было все-таки немного прохладнее от небольшого движения воздуха, я набралась терпения и, чтобы убить время, начала гадать, кто же может быть преследователем семьи Нинуа. Предположения были самые нелепые, но, что делать, если исходных данных имелось совсем чуть-чуть. Я настолько глубоко задумалась, что не сразу разобрала, что кто-то зовет меня по фамилии.

– Иванова! – кричал женский голос из выходящих в зал дверей. – Иванова!

Очнувшись, я метнулась туда, чтобы поскорее получить справку и выйти наконец-то из этой душегубки.

– Вот! – сказала мне женщина, протягивая листок. – Все, что есть!

– Ой! Спасибо вам огромное! – начала рассыпаться я в благодарностях, но женщина только рукой махнула:

– Да ладно уж! – и скрылась в дверях.

На улице я посмотрела адрес, но он мне ничего не сказал – я как-то еще девчонкой была в Сухуми с родителями, но, естественно, ничего не помнила, кроме бескрайнего моря, обезьяньего питомника и ощущения праздника от вида весело гомонящей и разноцветной толпы отдыхающих. Единственное, что я поняла, – это то, что дом был частным, потому что номера квартиры не имелось. Посмотрев на часы, я увидела, что у меня не осталось времени, чтобы, как я надеялась, перекусить, и, грустно вздохнув, сказала водителю:

– Слушай! Мы сейчас обратно к общежитию поедem, а я есть хочу. Нет ли поблизости какого-нибудь местечка, чтобы купить что-нибудь пожевать на ходу?

– Есть! – кивнул он. – Здесь недалеко шаурмой торгуют.

– Надеюсь, не с собачатиной? – с подозрением спросила я.

– Не! – возмутился водитель. – Мы с ребятами там часто покупаем и никогда ничего! Там хозяин – мужик нормальный!

– И все-таки не хотелось бы рисковать! – отказалась я. – Лучше уж пирожки! С капустой или картошкой! Да и сладкие пойдут, на худой конец!

– Так это мы по дороге найдем! – с готовностью отозвался парень. – Этого добра в городе навалом.

И действительно, остановившись около какого-то кафе, возле витрины которого стоял под тентом большой стол, я купила себе пирожков и бутылку минералки без газа. То, что растапа-продавщица всучила мне вместо пирожков с капустой, как я просила, с повидлом, я обнаружила уже тогда, когда мы отъехали, но не возвращаться же было. Чертыхнувшись и помянув ее недобрый словом, я стала есть. Описывать этот процесс не стоит, но некоторым циркачам стоило бы у меня поучиться. Подумаешь, жонглировать мячами, стоя на спине у лошади! Пусть бы попробовали перекусить, сидя на заднем сиденье машины, которая едет на окраине города,

где остатки асфальта на дороге неравномерно чередовались с выбоинами. Как ни старалась я приспособиться, но пару раз себе в нос пирожком все-таки заехала, да и минералкой облилась, возблагодарив бога за то, что взяла именно ее, а не пепси или коку. Она-то быстро высохнет – благо на улице жара несусветная – и пятен не останется, а вот от них?..

Кое-как победив свой то ли обед, то ли ужин, я закурила и задумалась: «Интересно, а смогут ли Смирновы сказать мне что-то полезное? По идее – должны! Соседи все-таки! А, как говорят, близкий сосед лучше дальнего родственника!» В общежитии вахтерша пропустила меня уже без вопросов, и я поднялась на второй этаж. На фоне соседских ободранных дверей дверь квартиры 35 выглядела чуть ли не роскошно. На мой стук мне открыл здоровый мужик и неприветливо спросил:

– Тебе чего?

– Я Нинуа ищу, – объяснила я.

– Так они съехали давно, – удивленно ответил он.

– А вы не знаете почему? – тут же спросила я.

– А черт его знает! – пожал он плечами. – В одночасье собрались, и на следующий день их здесь уже не было.

– Тоже мне! Скажешь! Черт! Да я, может, тоже сбежала бы, если бы меня убить грозились! – раздался из комнаты женский голос.

– Убить? – воскликнула я.

– Это хозяйка моя, – пояснил Смирнов, а появившаяся рядом с ним в дверях женщина еще раз повторила:

– Да! Убить! Может, и в тот день убили бы, если бы не я.

– А вы не расскажете, как все это было? – попросила я.

– Ты чего гостей на пороге держишь? – набросилась на мужа Смирнова и пригласила меня: – Проходите!

Я вошла и увидела небогатую, но очень опрятную комнату, по которой распространялся такой чудный запах борща, что я, не сдержавшись, сглотнула слюну.

– Садитесь с нами, – пригласила меня Смирнова, но я, видя небольшую кастрюльку, а за столом еще и мальчика лет семи, отказалась – им и самим было только-только. – А чего вы их ищете? – спросила меня она.

– Да я по делам в вашем городе, вот знакомые и попросили съездить и узнать, что с ними, а то давно от них писем не было, – объяснила я.

– Что-то не помню я, чтобы они письма получали, – с подозрением глядя на меня, сказала Смирнова.

– Так они Манане Георгиевне на рабочий адрес писали, в поликлинику, – там-то не потеряются, – нашлась я.

– И то верно! – согласилась она, покачав головой. – У нас тут такой бардак!

– Ну, вы скажите хоть, как они жили тут? – попросила я. – А то в письмах она писала, что у нее все хорошо, а как на самом деле было?

– А так и было! – ответил Смирнов. – Мы сюда приехали, когда они здесь уже жили. Держались они... Ну, как вам сказать?.. Обособленно! – нашел подходящее слово он. – Дружить – ни с кем не дружили, но, если чего попросишь, Манана всегда поможет. Укол там сделать, давление померить, ребенка посмотреть, а то и вылечить... Отзывчивая она была! Жалко было, что уехала!

– Так если у нее врагов не было, кто же ее убить грозился? – удивилась я.

– А черт его знает! – пожал плечами Смирнов. – Мужик какой-то!

– У нас тогда сын температурил, – сказала его жена. – Вот я все в окно и поглядывала – Манану ждала, чтобы она его посмотрела. Сандру-то я видела, как прошла. Еще спросила у нее, когда, мол, мать придет, а она мне в ответ, что попозже. Вот я ее и высматривала. А тут

вижу, идет она! Я обрадовалась, и вдруг мужик какой-то выскочил – и к ней. За плечи схватил, трясет и орет что-то. Я в коридор метнулась...

– Я с мужиками на лестнице курил, – пояснил Смирнов.

– Вот-вот! – покивала его жена. – И кричу ему, что Манану, мол, бьют!

– Ну, тут мы все вниз по лестнице скатились – и на улицу! – продолжил Смирнов.

– А я окно открыла и кричу тому мужику, чтобы он Манану в покое оставил, – рассказывала его жена. – Слышала только, как он орал: «Куда ты ее дела? Отвечай, сука! А то пришибу на месте! А еще лучше хахалю твоему все расскажу, тогда сама в петлю полезешь!» А тут наши высыпали – и к нему! Уважали тут Манану, ничего не скажу!

– Вломили мы ему хорошо! – удовлетворенно сказал Смирнов. – Так наподдали, что долго он еще на снегу лежал, а потом гляжу – нет его уже. Ушел, значит!

– Я в дверях стояла, видела, как она шла, – вздохнула женщина. – Белее снега была! Шла и все причитала: «Вай мэ! Вай мэ!», то есть «Горе мне!», – объяснила она. – К себе зашла и слышу – что-то по-грузински дочке говорит. Та заплакала. Ну, я подождала немного, пока она успокоится, а потом постучала все-таки – сын же болел. Зашла, а они вещи собирают! Я говорю: «Манана! Ты чего?», а она мне со слезами, что, мол, не будет у них теперь здесь жизни.

– А почему, не объяснила? – спросила я.

В ответ Смирнова пожала плечами и проговорила:

– Но сына нашего она в тот вечер посмотрела и лекарства сказала, какие принимать. А наутро как ни в чем не бывало, смотрю, в автобус садится. Одна, правда. Ну, думаю, успокоилась и решила не уезжать! А потом вижу – такси приехало! Ближе к вечеру дело было! Вынесли они с Сандрой сумки – и все! Не попрощалась даже ни с кем!

– Наверное, не хотела, чтобы ее расспрашивали, – предположил Смирнов. – Вы же, бабы, как со своими вопросами впииваетесь, так от вас и не отвяжешься!

– Да уж! – вздохнула я. – Расстроили вы меня! – и как бы между прочим спросила: – А потом Манану здесь никто не искал?

– Не знаю! – пожала плечами женщина, внимательно глянув на меня.

– Я потому спрашиваю, что, если она так внезапно уехала, то ее знакомые могли ее искать, – объяснила я. – Если Манана с ними, как и с вами, не попрощалась, то они могли встревожиться, когда она пропала, и прийти сюда. А вдруг они вахтерше адрес свой оставили или телефон, чтобы та им сообщила, если от Мананы какая-нибудь весточка придет! Вот я и хочу с ними встретиться и поговорить – вдруг она им написала или звонила.

– А-а-а! Поняла! – сказала женщина. – Только вахтерша-то у нас новая, она уже потом появилась.

– А адрес прежней вы не знаете? – с надеждой спросила я.

– Не знаю, – с сожалением сказала она.

– Так у Митьки спросить надо! – воскликнул Смирнов. – Он к ее дочке клинья подбивал, а она его отшила! Да и правильно сделала! Толку от такого мужика в доме, как от козла молока!

– От тебя больно много толку! – вскинулась его жена. – Сколько уже прошу полку повесить, а у тебя все руки не доходят! У мальчишки все учебники навалом лежат! А так стояли бы себе по порядку!

– Да прибью я! Прибью! – привычно отбивался он, а потом поднялся и пошел к двери.

– Ты куда? – возмутилась она.

– К Митьке за адресом, – буркнул он.

– Только попробуй мне там хоть каплю выпить! – крикнула она ему вслед.

– Ну, дура-баба! – вздохнул он. – Мне же завтра на работу! Какая тут пьянка?!

Он ушел, а я попросила женщину:

– У вас ничего попить не найдется? – Жареным на черт-те каком масле пирожкам было почему-то неуютно у меня в животе, и изжога мучила страшно.

– Квасу холодного хотите? – спросила она.

– Очень хочу! – сказала я.

– Он у меня домашний, ядреный, – похвалилась она, доставая из холодильника трехлитровую банку, которая тут же покрылась капельками влаги, и наливая мне от души полный стакан.

Я с удовольствием выпила его почти залпом и, отдуваясь, сказала:

– Спасибо! Очень вкусно!

– Еще хотите? – предложила она.

– Нет, спасибо! – поблагодарила я и спросила: – Вот вы сказали, что тот мужик кричал: «Куда ты ее дела?» А как вы думаете, что он имел в виду?

– А бог его знает? – пожала она плечами. – Может, вещь какую? А может, бумагу важную?

Не знаю!

Вернувшийся Смирнов протянул мне листок бумаги и возмущенно сказал:

– Вот! Насилу из Митьки вытряс! Уже ничего не соображает, паразит!

– А где это? – спросила я, посмотрев на адрес.

– Как отсюда выйдете, – начал объяснять Смирнов, – так прямо через стройку...

– Какую стройку? – удивилась я, потому что ничего подобного поблизости не было.

– А! – махнул рукой он. – Это еще при Советах начали новое общежитие строить, а потом забросили, так что руины там сейчас, как после войны.

– Теперь поняла, – кивнула я, потому что руины действительно видела.

– Как через стройку пройдете, так направо до первого перекрестка, а там уже налево и прямо. Километра через два будет пивной ларек, а за ним опять направо. Как увидите дом с голубятней, так это он и есть. Ее Ольга Ивановна зовут.

– Спасибо вам большое за помощь и за квас! – сказала я, поднимаясь. – До свиданья!

Выйдя из общежития, я с большим подозрением посмотрела на руины и, естественно, не стала к ним даже приближаться, а села в машину и, протянув водителю адрес, сказала:

– Разбирайся как хочешь, но мне надо туда попасть.

Парень взял листок, посмотрел на него и присвистнул:

– Елкин гриб! Да тут сам черт ногу сломит!

– Ориентир – пивной ларек! – подсказала я.

– Так это мы запросто! Быть не может, чтобы его в округе никто не знал! – обрадовался шофер и резво взял с места.

Поплутать нам все-таки пришлось и к нужному дому мы добрались в начале восьмого. Когда машина остановилась перед добротными воротами, я вышла и постучала в калитку – в ответ тут же раздался лай большой собаки. «Этого мне только не хватало!» – вздохнула я и постучала снова.

– Кто это там, на ночь глядя? – донесся из глубины двора недовольный мужской голос.

– Мне к Ольге Ивановне, – крикнула я в ответ.

– Ну и на кой ляд тебе моя теща потребовалась? – спросил, подойдя к калитке, молодой мужчина.

– По делу, – кратко ответила я.

– А у нее сейчас всего и делов, что моих детей нянчить, – разглядывая меня, сказал он.

– Я с ее бывшей работы, из общежития, – объяснила я. – Мне нужно у нее кое-что узнать.

– Ну, проходи! – не приветливо пригласил он, отпирая замок. – Прямо по дорожке иди!

Я пошла и увидела рядом с крыльцом возле будки здоровенную кавказскую овчарку, которая при виде меня показала клыки и глухо зарычала.

– Спокойно, Дружок! – сказал мужчина, и я чуть не рассмеялась – более нелепой клички для этого зверя трудно было придумать.

Когда мы вошли в дом, мужчина громко позвал:

– Мать! Тут к тебе пришли!

– А, батюшки! – удивленно сказала появившаяся в дверях комнаты чистенькая, опрятная старушка. – Кто это по мою душу?

– Ольга Ивановна! Я к вам и надолго не задержу! – извиняющимся тоном сказала я.

– Да ты в комнату пройди! – пригласила она меня. – Чего же на пороге разговаривать?

– А так быстрее будет, – улыбнулась я и выдала ей ту же версию, что и Смирновым.

– Манану помню! – кивнула она. – И дочку ее тоже! И как приехали они помню! Обе такие зашуганные! Любого шороха боялись! Вещей-то у них с собой только три сумки и было! Одно слово – беженцы! Сандра-то сначала немая была! Детишки наши общежитские, бывало, позовут ее играть, а она все к Манане жметя. Вот горе-то матери! – вздохнула она. – Мананато с дочки глаз не спускала, боялась за нее! Чуть что, тут же звала: «Сандрочка! Иди к маме! Иди, моя хорошая!» А потом ничего! Отживели обе! А там и Сандра заговорила! Они же как к нам попали! Манана сразу в горздравотдел пошла работу искать, вот ее в заводскую детскую поликлинику и направили! А уже оттуда ордер к нам в общежитие дали. Ну, собрали мы им мебель кой-какую, белье – у них же ничего с собой не было. И стали они жить. Но и потом они держались хоть и приветливо, но близко к себе никого не подпускали! А съехали-то они после того, как ее чуть не побили! Манану то есть!

– Можно поподробнее! – попросила я.

– Чего ж не рассказать? – удивилась она. – Тайны тут никакой нету! Тот день, я помню, мужик какой-то, ну, чистый уголовник с виду, еще днем пришел и Манану спрашивал...

– Русский? – спросила я.

– Русский, – подтвердила старушка. – Ну, я ему и говорю, что, мол, на работе она, а сама удивляюсь, чего ему от нее надо. Сразу же видно, что не пара они. Она-то женщина приличная, а он... – она махнула рукой. – Тут он про Сандру спрашивает, а я еще больше удивилась. А потом думаю, уж не отец ли он ее? Дочка-то не в мать пошла, хоть и грузинка по паспорту. А чего тебе, говорю, от девочки нужно? А он усмехнулся так... Нехорошо... И сказал, что поговорить с ней хочет. А девочке-то такой отец разве нужен? – спросила она меня.

– Думаю, что нет, – твердо ответила я.

– Вот и я так подумала, – согласилась она. – Десять лет об нем ни слуху ни духу не было, сидел, видать, а тут, нате вам, явился! Да разве от такого отца чего хорошего можно ждать? Зачем же девочку смущать? Жизнь ей портить? – спросила она меня и сама же ответила: – А незачем! Вот я ему и сказала, что уехала, мол, Сандрочка, что мать ее к родне отправила. Тут он как заорет: «Да ты, бабка, с ума, что ли, сошла? Я же точно знаю, что она в городе!» А я ему в ответ, что, мол, вчера и уехала. Зыркнул он на меня так зло и ушел. Слава тебе, господи, думаю! Решила я Манане, как вернется, все рассказать, да не успела. Видела в окно, как шла она к двери счастливая такая, а тут мужик этот как со стройки выскочит – и к ней! Схватил ее, трясет и орет что-то! Я и глазом моргнуть не успела, как мужики наши на улицу выскочили. Ох, и отметелили они его! – посмеиваясь, сказала старушка. – Ушли они потом, а он еще долго на снегу лежал. Я уже и беспокоиться начала, не убили ли они его часом. А потом – ничего, шевелиться стал, поднялся и пошел себе, уж не знаю куда.

– А он больше не приходил? – спросила я.

– Приходи-и-ил, – кивнула она. – Дня через два пришел и опять Манану спрашивал. А я ему в ответ, что, мол, съехала она на следующий же день. Ох, ругался он! – старушка даже головой покачала. – Еще чище наших мужиков! У тех-то хоть поймешь, чего они говорят, а этот? Слова какие-то непонятные, но видно, что неприличные. А потом почему-то мне пригрозил, сказал: «Ничего! Я эту сучку все равно достану! Мое от меня не уйдет!» – и ушел. Вот и все, дочка! Чего знала, то и рассказала!

– А Сандра с этим мужиком не похожи? – спросила я.

– Да что ты! – воскликнула она. – Сандрочка же красавица, а он? На левой брови шрам – разбили, наверное, нос, видать, сломанный – набок смотрит...

– На какой бок? – быстро спросила я.

Ольга Ивановна задумалась, посмотрела на себя в висевшее на стене зеркало и ответила:

– А направо! На его право!

– А глаза какие? Рост? Цвет волос? – перечислила я.

– Росту он повыше тебя будет, – медленно, вспоминая, сказала она. – Глаза черные, злые... Аж колючие! А волос вот не видела – в кепке он был.

– А татуировок на руках не было? – спросила я и объяснила: – Ведь вы же с чего-то решили, что он уголовник.

Ольга Ивановна опять задумалась, а потом сказала:

– А были, наверное... что-то синее мне запомнилось...

– Спасибо вам огромное, – искренне поблагодарила я ее. – Вы даже не можете себе представить, как вы мне помогли!

– Ай! – отмахнулась она, и я попросила:

– Вы не проводите меня до калитки? А то у вас там такой барбос сидит!

– Да не тронет он! – успокоила она меня, но все же пошла.

При виде ее овчарка бешено завилыла хвостом и даже – ей-богу, не шучу! – улыбнулась. То есть зубы-то она снова показала, но вот оскал был совсем не злобным, а каким-то радостным.

– Ты же мой Дружок! – старушка на ходу погладила собаку по голове, и та тут же плюхнулась на спину. – Ну, погоди! Вот гостью провожу и приласкаю! А то сидишь, беденький, день-деньской на цепи!

Возле калитки я без малейших колебаний вложила Ольге Ивановне в руку сто долларов и тихонько сказала:

– Это только вам! Купите себе что-нибудь вкусненькое или побалуйте себя обновкой.

Разглядев, что я ей дала, старушка подняла на меня мгновенно ставшие серьезными глаза и строго спросила:

– Ты благое ли дело творишь, дочка? Не Иудины ли это деньги?

– Вот вам истинный святой крест, что благое, – сказала я и перекрестилась.

– Ты, видать, того мужика ищешь, что Манану обидел? – догадалась она.

– Его! – не стала лукавить я.

– Дай бог тебе удачи, дочка! – сказала на это Ольга Ивановна и перекрестила меня.

Я села в машину и, оглянувшись через плечо, увидела, что она стоит в калитке и крестит меня вслед – на душе тут же почему-то стало легко и спокойно.

– Куда теперь? – спросил водитель.

– В кассы «Аэрофлота», – не задумываясь ответила я, потому что делать мне в Ростове было больше нечего.

– Так они все уже закрыты, – недоуменно сказал он.

– А в самом аэропорту? – напомнила я.

– Там круглосуточные, – тут же спохватился он и спросил: – Так в аэропорт, что ли?

– Туда! – подтвердила я, и мы поехали.

Откинувшись на спинку сиденья, я подставляла лицо под струи наконец-то хоть немного посвежевшего от долгожданной вечерней прохлады воздуха и думала о том, что же это за мужик такой преследует Нинуа и где мне его искать. Хотя «где», было ясно и так – в Тарасове. Но вот почему он преследует Нинуа? Что именно он от Мананы требовал? Действительно какую-то вещь или Сандру? Да, решила я, скорее всего он имел в виду девочку – Ольга Ивановна ведь сказала ему, что той нет в городе. Но зачем она ему? Почему он так стремится ее убить? Одни сплошные вопросы без ответов. Пока без ответов, утешила я себя. Купив в

аэропорту билеты на следующий день до Москвы и оттуда в Тарасов, я вернулась в гостиницу совершенно измочаленная, но жутко довольная. Расплатившись с водителем и даже дав ему довольно прилично «на чай», я собралась выйти из машины, но он остановил меня.

– Так мне завтра за вами сюда заехать, чтобы в аэропорт отвезти? – спросил он.

– Хорошо! – согласилась я.

– Значит, буду вас здесь утром ждать, – заверил меня он и уехал.

В свой номер я поднималась на автопилоте и, войдя, обессиленно рухнула на стоявшую в коридоре тумбочку. Немного отдохнув на этом неудобном «сиденье», я посмотрела на себя в зеркало и обалдела – я была какого-то сине-зеленого цвета.

– Да уж! – только и смогла сказать я, глядя с отвращением на свое отражение. – Ну, ничего! Вот закончу это дело и куплю путевку куда-нибудь, где никто не знает о моей профессии. Буду лежать на пляже, купаться в море, пить вино, крутить необременительные романчики... Одним словом – отдыхать! От этого сладкого предвкушения я даже зажмурилась, а когда открыла глаза, с сожалением сказала: – Нахалка ты, Татьяна! Ты еще это дело даже толком не начала, а уже думаешь о том, что будет, когда оно закончится!

Скинув туфли, я прошлепала в ванную и пустила в ванну воду, потом сняла костюм и, накинув халат, позвонила дежурной по этажу и попросила ее прислать ко мне горничную. Когда та появилась, я спросила, показывая на костюм:

– Вы сможете быстро привести его в нормальный вид? А то я утром улетаю, а надеть мне нечего.

– Во сколько у вас самолет? – спросила она и, услышав время, уверенно заявила: – Будет готов, – и, забрав его, ушла.

Из-за отсутствия одежды спуститься в ресторан я не могла, да и сил на это не было, и я, приведя себя с помощью ванны в относительно нормальное состояние, позвонила в ресторан и заказала ужин в номер, сказав, чтобы для начала принесли мне большой кофейник с кофе. Когда его принесли, я устроилась в кресле возле окна и стала утрясать в голове всю полученную сегодня информацию. Но тут оказалось, что я себя переоценила, потому что мысли никак не желали собираться в одну кучку и разбегались, кто куда. Поняв, что ничем плодотворным мои мучения не увенчаются, я решила устроить себе вечер отдыха – заслужила ведь! Поужинав, я включила телевизор, чтобы узнать, что в мире делается, и заснула в кресле под его мерное гудение. Проснувшись среди ночи, я перебралась на кровать и вырубилась.

Разбудил меня утром настойчивый стук в дверь, и я, просонья решив, что я дома, удивилась, почему не звонят. Стук все продолжался, потом послышался звук поворачиваемого ключа, и я наконец-то сообразила, что я в гостинице. Увидев меня в постели, горничная, принесшая на плечиках мой костюм, с удивлением спросила:

– Вы не боитесь опоздать на самолет?

От этих слов меня выбросило из кровати, как катапультой, и я, быстро расплатившись с ней, начала собираться в авральном порядке. Взглянув на часы, я поняла, что выпить кофе мне не светит, что не улучшило мое настроение, и пулей слетела вниз. К счастью, вчерашний водитель меня ждал, и я, плюхнувшись на сиденье, попросила:

– Гони в аэропорт! Все штрафы беру на себя!

– Я мухой! – пообещал он и, едва мы выбрались на шоссе, врубил газ.

В аэропорт мы добрались без приключений, и у меня еще было в запасе немного времени, чтобы выпить кофе в баре – без него я не в состоянии нормально проснуться. Расплатившись с водителем, я собралась уже было выйти из машины, как он неожиданно спросил меня:

– Извините, а вы кто будете? А то я вчера сколько ездил с вами, но так ничего и не понял.

– Частный детектив, – усмехнулась я.

От удивления у парня глаза полезли на лоб. Он покачал головой и сказал:

– Вот мужики удивятся, когда я им все расскажу! – а потом, быстро написав что-то на листке записной книжки, вырвал его и протянул мне: – Если у вас здесь еще дела будут, звоните мне! Тут мой домашний телефон и сотовый! Я вас и встречу, и куда угодно отвезу!

– Спасибо! – поблагодарила я, убирая листок в сумку. Мало ли как карта ляжет? Может, и пригодится? – И спросила: – А как тебя зовут-то?

– Павел я, – представился он. – А вас?

– Татьяна Александровна Иванова, – ответила я. – Ну, спасибо тебе еще раз, Павел, и удачи!

– И вам того же! – искренне пожелал он.

Взяв сумку, я пошла в здание и увидела в стекле отражение Павла, который все еще, качая головой, смотрел мне вслед.

– «Летайте самолетами „Аэрофлота“! – процитировала я старую рекламу, спускаясь на родную тарасовскую землю. – Это быстро, выгодно и удобно!»

Я все как следует обдумала за время аж двух полетов, так что план дальнейших действий был уже готов, но!.. Без помощи Андреева мне было не обойтись. Заехав домой, я выпила свой фирменный кофе, в котором, по словам Кири, ложка стояла, переделась и по дороге к Андрееву решила заглянуть на переговорный пункт компании «Волгателеком» в Мирном переулке, чтобы узнать, как там со связью с Сухуми. Но на мой вежливый вопрос: есть ли телефонная связь с Абхазией, сидевшая за стойкой массивная крашенная блондинка неопределенного возраста по-хамски ответила мне:

– А я откуда знаю?

– Интересно! – удивилась я. – А кто тогда должен знать?

– А вы идите и сами пробуйте! – бросила она. – С какими-то городами есть, а с какими-то нет.

– Но с Сухуми-то есть? – изо всех сил стараясь не сорваться на эту бабищу, спросила я.

– Я вам уже сказала, – повысила она голос, – идите и пробуйте!

– Между прочим, вы могли бы быть и повежливее, – не выдержала я.

– Ты поучи меня еще! Поучи! – обозлилась она.

– Ваше начальство вас поучит! – огрызнулась я.

Поняв по моему выражению лица, что это дело я просто так не оставлю и скандал будет большой, ее соседка вмешалась и крайне предупредительным тоном объяснила мне:

– Понимаете, набрать Абхазию по коду днем практически невозможно, но ночью, бывает, мы и дозваниваемся, правда, редко. Поэтому мы выходим обычно на международную связь и соединяем.

– Спасибо, девушка! Вы очень любезны! – сказала я и, повернувшись к хамке, добавила: – А таких, как ты, надо гнать отсюда поганой метлой, чтобы репутацию фирмы не портила! – И, прочитав на бейдже ее имя, выразительно произнесла: – Обещаю вам, Ирина Валентиновна Воробьева, что долго вы здесь не задержитесь!

– Это мы еще посмотрим! – взвилась та. – Пусть поищут таких дур, которые за гроши тут горбатятся будут!

– Да уж! – хмыкнула я. – От этой тяжелой работы вы здесь так исхудали, что скоро за шваброй спрятаться сможете! Видимо, это вас в самом недалеком будущем и ждет: с тряпкой в руках и шваброй в обнимку! – вышла я из переговорного пункта под аккомпанемент ее истеричных воплей.

Оттуда я заехала в офис своего сотового оператора и, подключив тариф, который позволил бы мне звонить из Абхазии в Тарасов, направилась наконец-то к Андрееву.

– Семен Иванович занят! – категорично заявила мне самого боевого вида пожилая секретарша, едва увидев меня на пороге.

– А вы ему доложите, что пришла Иванова, он и освободится, – предложила я, ругнув себя за то, что не позвонила ему предварительно по телефону, и мило ей улыбнулась.

– А я тебе сказала, что он занят! – повысила голос секретарша, видимо, приняв меня за его любовницу – «молодое мясо», как он выразился.

– А вот тыкать не надо! – Я повысила в ответ голос. – В такой солидной приемной, у такого солидного начальника и вдруг такая невоспитанная секретарша. – Я горестно покачала головой.

– Ты бы шла отсюда по-хорошему! – угрожающе приподнимаясь, сказала она.

– Охотно! – ответила я, направляясь прямо к дверям Андреева.

Она вскочила и попыталась загородить от меня дверь, но я быстро взяла секретаршу на прием и вместе с ней, ведя ее, полусогнутую, впереди себя, вошла в кабинет.

– Извините, Семен Иванович, у меня срочное дело, а меня к вам не пускали, – сказала я.

Андреев корпел над какими-то бумагами и, подняв голову и увидев нашу живописную группу, расхохотался.

– Да, Маня! Такой фрукт, как Татьяна, тебе не по зубам! Ты, Таня, отпусти ее, а то она у меня уже не молоденькая, чтобы так стоять, – сказал он, и я отпустила секретаршу, которая только что не лопалась от злости. – А ты, Маня, успокойся! У Татьяны ко мне действительно очень срочное и важное дело! Ты бы узнала сначала, что к чему, а потом уже и в позу вставала!

– А на ней не написано, что она по делу! – огрызнулась секретарша. – Откуда мне знать, что это не очередная твоя шалашовка с претензиями пришла? Или мало я их, что ли, с лестницы спускала?

– Охолони! – прикрикнул на нее Андреев. – Татьяна частный детектив и сейчас на меня работает! И пока мы с ней разговаривать будем, хоть умри, но никого не пускай! Ясно?

– Так это вы Сандрой занимаетесь? – мгновенно переходя на «вы», спросила она.

– Да! – ответила я.

– Так бы сразу и сказали! – и она дежурным голосом спросила: – Чай или кофе?

Я помедлила с ответом, думая, что чай я не очень люблю, а хорошего кофе здесь вряд ли дождешься, и решила было попросить сок, но Андреев ответил вместо меня:

– Кофе ей! Я уже узнал, что она без него жить не может. – Секретарша кивнула и ушла, а мне он сказал: – Кофе у нее отменный получается! Сейчас сама увидишь! – А потом спросил: – Скажи честно, ожидала тут длинноногую девулю увидеть с патлами распущенными?

– Что-то вроде, – уклончиво ответила я.

– Зря! Ты пойми, у любого разумного начальника, что при Советах, что сейчас, на работе есть только четыре доверенных человека: секретарша, главный бухгалтер, начальник службы охраны и водитель. А возьми я сюда любовницу свою – и что будет? А будет она полностью в курсе моих дел и встреч. Мне это надо? Выгонишь ее, а она тебя со злости заложит! Видал я таких дураков! Позарились на молоденьких, а потом локти кусали и не знали, как от них избавиться. А меня дураком даже в детстве никто не называл! – И, переходя к делу, спросил: – Ну, чего узнать успела?

– Пока немного, но ясно одно – Сандру преследует какой-то мужчина с уголовным прошлым...

– О как! – воскликнул Андреев.

– Вот именно! В Ростове-на-Дону она спаслась просто чудом, а вот в Волгограде он в нее стрелял, но промахнулся и попал в другую девочку, которая, к счастью, выжила.

– Что за сволочь? – хрипло спросил Семен Иванович.

Я описала внешность мужчины и сказала, что сейчас он в Тарасове. Выслушав меня, Андреев решительно сказал:

– Сегодня же всех на ноги подниму! Пусть его ищут! Что еще?

– Я думаю, что начало этой истории нужно искать в Сухуми... – начала я, и он тут же заявил:

– Ну, так езжай! У меня здесь абхазы на рынке торгуют! Я им скажу, и тебя там, как дорогого гостя, встретят! И помогут во всем! А то я им здесь такую жизнь устрою, что мало не покажется! – Он нажал на селектор и сказал: – Маня! Найди мне быстро Самшиева, и пусть пулей летит ко мне! – А потом спросил у меня: – Что еще?

Обрадовавшись, что он сам предложил мне помощь в Абхазии и мне не пришлось его об этом просить, я сказала:

– Мне надо посмотреть комнату в общежитии, где живут Сандра с матерью.

– Смотрели уже! – нехотя буркнул он. – Да ничего не нашли!

– Значит, нужно посмотреть еще раз! – настаивала я.

– Что найти-то думаешь? – поинтересовался он.

– Пока сама не знаю, – пожала плечами я. – Сориентируюсь на месте. Ну, не может быть такого, чтобы ничего там не было! – воскликнула я. – Просто нужно уметь смотреть и видеть!

– Так это одно и то же! – удивился он.

– Нет! – возразила я. – Можно смотреть, но ничего не увидеть!

Подумав, он согласился:

– Тебе виднее! Когда пойдешь?

– Чем скорее, тем лучше, – ответила я.

– Да в любое время – Манана же из больницы не вылезит! – буркнул он.

– Сандре стало хуже? – насторожилась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.